

Ха-Джун Чанг. Как устроена экономика

Экономист из Кембриджа Ха-Джун Чанг в занимательной и доступной форме объясняет, как на самом деле работает мировая экономика. Автор предлагает читателю идеи, которых не найдешь в учебниках по экономике, и делает это с глубоким знанием истории, остроумием и легким пренебрежением к традиционным экономическим концепциям. Ранее я опубликовал саммари на книгу этого автора [23 тайны: то, что вам не расскажут про капитализм](#).

Мне очень нравятся книги по экономике, но, к сожалению, раздел [Об экономике](#) блога не пользуется популярностью. Любопытно, что автор также подчеркивает в Прологе, что люди редко демонстрируют интерес к экономике.

Ха-Джун Чанг. Как устроена экономика. – М.: [Манн, Иванов и Фербер](#), 2015. – 304 с.

Пролог. ЗАЧЕМ НУЖНО РАЗБИРАТЬСЯ В ЭКОНОМИКЕ

Когда дело касается экономики, многие люди не демонстрируют интереса. Такое странное положение сложилось потому, что люди поверили — особенно в последние несколько десятилетий, — будто экономика такая же наука, как физика или химия, и в ней на все вопросы есть только один правильный ответ. Поэтому неспециалисты должны просто принять на веру мнение профессионалов и перестать забивать себе голову слишком сложными вопросами. Читая эту книгу, вы поймете, что экономическая теория никогда не станет наукой в том смысле, какой мы подразумеваем, говоря о физике или химии. Существует множество различных школ экономической теории, каждая из которых подчеркивает различные аспекты сложной реальности, высказывая различные этические и политические оценочные суждения и делая на их основе те или иные выводы. Кроме того, ни одна из школ экономической теории еще ни разу не сумела предсказать реальное развитие событий даже в тех областях, на которые ориентирована, не в последнюю очередь потому, что у людей есть собственные желания — в отличие от молекул или физических объектов.

А раз в экономике не существует единственного правильного ответа, следовательно, нельзя отдать ее на откуп одним только специалистам. Таким образом, каждый ответственный гражданин должен хоть что-нибудь знать об экономике.

Глава 1. ЖИЗНЬ, ВСЕЛЕННАЯ И ВСЕ ОСТАЛЬНОЕ: ЧТО ТАКОЕ ЭКОНОМИКА

Стандартное неоклассическое определение экономикс, вариации которого используются до сих пор, было дано в 1932 году в книге Лайонела Роббинса «Эссе о природе и значении экономической науки». В своей работе Роббинс определяет экономикс как «науку, которая изучает поведение человека с точки зрения отношений между его целями и ограниченными средствами, допускающими альтернативное использование».

С этой точки зрения экономика больше характеризуется своим теоретическим подходом, а не предметом исследования. Она представляет собой науку о рациональном выборе, то есть о выборе, сделанном на основе целенаправленного систематического расчета максимально возможных результатов при условии использования неизбежно скудных средств. Предметом расчета бывает все что угодно: брак, рождение детей, преступления или наркомания (как однажды написал Гэри Беккер, известный чикагский экономист и обладатель Нобелевской премии по экономике 1992 года), — а не только «экономические» вопросы, которыми неэкономисты могут считать рабочие места, деньги или международную торговлю. Назвав свою книгу *The Economic Approach to Human Behaviour* ([Экономический подход к человеческому поведению](#)), опубликованную в 1976 году, Беккер тем самым без лишней шумихи объявил, что экономика действительно касается всего.

Глава 2. ОТ БУЛАВКИ ДО PIN-КОДА: КАПИТАЛИЗМ 1776-го и 2014 гг.

Адам Смит (1723–1790) утверждал, что основной источник увеличения богатства заключается в повышении производительности за счет большего *разделения труда*, то есть разбиения производственного процесса на мелкие специализированные операции.

За время, прошедшее с эпохи Адама Смита до наших дней, изменились не только технологии или способы производства. *Субъекты экономической деятельности* — или люди, связанные с экономической деятельностью, — и *экономические институты* — или правила, определяющие организацию производственной и другой экономической деятельности, — тоже прошли через коренные преобразования.

Капитализм — это экономика, в которой производство организовано ради получения максимальной прибыли, а не для собственного потребления (как в натуральном хозяйстве, в условиях которого вы выращиваете еду только для себя) и не по политическим обязательствам (как в феодальных обществах и социалистическом хозяйстве, где политические власти, соответственно аристократы и органы центрального планирования, диктуют, что производить).

Глава 3. КАК МЫ ЗДЕСЬ ОКАЗАЛИСЬ? КРАТКАЯ ИСТОРИЯ КАПИТАЛИЗМА

Какое определение истории? Это просто одно чертово событие за другим.

Алан Беннетт. Любители истории

История влияет на настоящее потому, что она сообщает о решениях людей. Многие политические рекомендации подкреплены историческими примерами, потому что нет ничего более эффективного для убеждения людей, чем наглядные примеры из реальной жизни, успешные или неудачные. Например, те, кто пропагандирует свободную торговлю, всегда отмечают, что Великобритания, а затем и США стали мировыми экономическими сверхдержавами именно благодаря ей. Если бы они поняли, что их версия истории не соответствует истине, они бы не чувствовали себя столь уверенно, давая свои политические рекомендации. Им также было бы сложнее убеждать других.

Помимо этого, история заставляет нас усомниться в некоторых предположениях, принимаемых как должное. Когда вы узнаете, что передовые капиталистические страны развивались быстрее всего в истории между 1950-ми и 1970-ми годами, когда действовало множество ограничивающих правил и высоких налогов, у вас сразу же появится скептическое отношение к утверждению, что стимулирование роста требует сокращения налогов и устранения бюрократических препон.

История полезна для осознания ограниченности экономической теории. Мы должны обращаться к истории, потому что у нас есть моральный долг по мере возможности избежать экспериментов на живых людях.

Принято считать, что Великобритания и США лидировали среди других государств, потому что первыми приняли свободный рынок и свободную торговлю. Однако, начиная с Генриха VII (1485–1509) монархи династии Тюдор посредством государственного вмешательства способствовали развитию в стране шерстяной текстильной промышленности. Вмешательство со стороны правительства Великобритании было усилено в 1721 году, когда Роберт Уолпол, первый премьер-министр этой страны, обеспечивал таможенную защиту и субсидии для «стратегически важных» отраслей промышленности. Отчасти благодаря программе Уолпола во второй половине XVIII века Великобритания начала продвигаться вперед. К 1770 году она настолько явно опережала другие

страны, что Адам Смит не видел необходимости в протекционизме и других формах государственного вмешательства для помощи британским производителям. Тем не менее прошло почти столетие со времени выхода книги Смита, прежде чем Великобритания полностью перешла на свободную торговлю (это случилось в 1860 году), когда ее промышленное превосходство стало бесспорным. В то время на нее приходилось 20% общемирового объема обрабатывающей промышленности (по состоянию на 1860 год) и 46% торговли промышленными товарами (по состоянию на 1870 год), несмотря на то что население страны составляло всего 2,5% населения всего земного шара; для сравнения, сегодня соответствующие показатели для Китая составляют 15% и 14%, хотя в этой стране проживает 19% населения Земли.

В США ситуация развивалась еще более интересно. К 1830-м страна могла похвастаться самыми высокими таможенными пошлинами на промышленные товары в мире — этот статус она (почти без перерывов) удерживала в течение следующих ста лет, до начала Второй мировой войны. В первой половине того века наряду с рабством и федерализмом протекционизм оставался постоянным яблоком раздора между промышленным Севером и аграрным Югом. Вопрос был окончательно решен после Гражданской войны (1861–1865), которую выиграли северяне. Их победа оказалась не случайной. Север взял верх именно потому, что уже полвека развивал обрабатывающую промышленность за стеной протекционизма. Персонаж классического романа Маргарет Митчелл «Унесенные ветром» Ретт Батлер говорит своим соотечественникам с Юга, что янки выиграют войну, потому что у них есть фабрики, литейные предприятия, верфи, железные и угольные шахты — все то, чего нет у южан.

Свободная торговля сильнее всего распространилась на периферии капитализма — в странах Латинской Америки и Азии. Колонизация была наиболее очевидным путем для распространения «несвободной свободной торговли», но даже тем многим странам, которым посчастливилось не стать колониями, тоже пришлось принять ее. Методами «дипломатии канонерок»¹ их вынудили подписать неравноправные договоры. Невозможность защищать и отстаивать молодые отрасли своей промышленности значительно способствовала экономическому регрессу стран Азии и Латинской Америки в тот период: там наблюдался отрицательный рост дохода на душу населения (со скоростью –0,1% и –0,04% в год соответственно).

В период своего пика капитализм приобрел основную институциональную структуру, которая существует и сегодня; в нее входят общества с ограниченной ответственностью, законодательство о банкротстве, центральный банк, система социального обеспечения, трудовое законодательство и многое другое. Эти институциональные сдвиги произошли в основном из-за изменений в базовых технологиях и политике.

Позиция золотой середины: лучше всего капитализм работает при соответствующем государственном регулировании.

В начале 1980-х, сталкиваясь с экономическими кризисами, развивающиеся страны вынуждены были обратиться к Бреттон-Вудским учреждениям (МВФ и Всемирному банку). Те поставили условие: страны-заемщики обязаны были реализовать программу структурных реформ (ПСР), которая требовала снижения роли государства в экономике за счет уменьшения бюджета, приватизации государственных предприятий и сокращения требований, особенно в области международной торговли. Результаты ПСР всех разочаровали, если не сказать хуже. Несмотря на осуществление необходимых «структурных» реформ, в большинстве стран в 1980-х и 1990-х годах произошло резкое замедление экономического роста. Темпы увеличения доходов на душу населения в Латинской Америке (в том числе в странах Карибского бассейна) рухнули с 3,1% в 1960-1980-х до 0,3% в 1980-2000-х.²

С середины 1990-х идея глобализации стала определяющей концепцией времени. Это случилось благодаря технологическим революциям в коммуникациях (интернет) и в транспортной сфере (авиация, контейнерные перевозки), которые привели к «смерти расстояния». По словам сторонников глобализации, теперь у государств не было другого выхода, кроме как принять новую

¹ Дипломатия канонерок — военно-политический курс, при осуществлении которого используется демонстрация силы с применением военно-морского флота. Канонерки — небольшие корабли с артиллерийским вооружением. — *Прим. пер.*

² Это именно та программа, которую тройка кредиторов навязала Греции. — *Прим. Багузина.*

реальность и полностью открыться для международной торговли и инвестиций, одновременно проводя либерализацию своей внутренней экономики. Над теми, кто сопротивлялся этой неизбежности, насмехались, называя их «современными луддитами», мечтающими вернуть давно ушедшие времена и повернуть вспять технический прогресс (см. выше). Названия книг *The Borderless World* («Мир без границ»), [Плоский мир](#) и *One World, Ready or Not* («Единый мир, готовы мы к нему или нет») хорошо характеризуют суть этого нового дискурса.

Глава 4. ПУСТЬ РАСЦВЕТАЮТ СТО ЦВЕТОВ: КАК «ДЕЛАТЬ» ЭКОНОМИКУ

Вопреки тому, в чем пытаются всех убедить большинство экономистов, существует не только одно направление экономики — неоклассическое. В этой главе я познакомлю вас с еще как минимум девятью направлениями. Вместе с тем, надо понимать, что прогностические возможности любой науки, предмет изучения которой — люди, достаточно скромны. В отличие от естественных наук, экономика включает в себя оценочные суждения.

Классическая школа. С помощью конкуренции рынок держит всех производителей в состоянии боевой готовности, поэтому оставьте его в покое. Школа возникла в конце XVIII века и господствовала до конца XIX века. Ее основатель — Адам Смит. Идеи Смита получили дальнейшее развитие в начале XIX века у трех современников: Давида Рикардо (1772–1823), Жана-Батиста Сэя (1767–1832) и Роберта Мальтуса (1766–1834).

Классическая школа отвергала любые попытки со стороны правительства ограничить свободный рынок, например, с помощью протекционизма или регулирования. Рикардо разработал новый подход к международной торговле, известный как теория [сравнительного преимущества](#).

Неоклассическая школа. Люди знают, что делают, поэтому оставьте их в покое — за исключением случаев сбоя в работе рынков. Неоклассическая школа родилась в 1870-х годах из работ Уильяма Джевонса (1835–1882) и Леона Вальраса (1834–1910). После публикации «Принципов экономической науки» Альфреда Маршалла в 1890 году неоклассическая школа заняла прочную позицию.

Во времена Маршалла неоклассическим экономистам удалось изменить название дисциплины с традиционной политической экономии на экономическую теорию. Это свидетельствовало о том, что неоклассическая школа хотела, чтобы ее анализ был чистой наукой, лишенной политических (а, следовательно, и этических) факторов, включающих субъективные оценочные суждения. Школа рассматривала экономику как совокупность рациональных и эгоистичных индивидуумов, а не классов, как в классической школе. Неоклассическая школа сместила фокус с производства на потребление и обмен.

Рыночная экономика — есть система, которую лучше оставить в покое, поскольку она имеет склонность возвращаться к равновесию. Важным событием стала разработка теории несостоятельности (провала) рынка, сделанная кембриджским профессором Артуром Пигу в 1920-х. Пигу утверждал, что в некоторых случаях рыночные цены не отражают истинных социальных издержек и выгод. Например, завод загрязняет воздух и воду, потому что те не имеют рыночной цены, следовательно, к ним можно относиться как к бесплатным продуктам. Но в результате такого «перепроизводства» загрязнения окружающая среда будет уничтожена и общество пострадает.

К несчастью, последствия некоторых видов экономической деятельности не имеют цены на рынке и, следовательно, не отражаются в экономических решениях — это явление называется экстерналия. В таком случае правительство могло бы оправданно заставить завод меньше вредить окружающей среде, то есть создать отрицательную экстерналию, с помощью специальных налогов или нормативных положений (например, штрафов за сброс избыточного количества сточных вод).

С учетом этих изменений у неоклассической школы больше не осталось оснований по-прежнему быть приверженной политике свободного рынка. Арсенал неоклассических экономистов, отвергающих политику свободного рынка, с 1980-х годов существенно расширился за счет создания концепции информационной экономики (авторы: Джозеф Стиглиц, Джордж Акерлоф, Майкл Спенс и их последователи). Информационная экономика объясняет, почему асимметричная информация — когда одна из сторон рыночного обмена знает то, чего не знает другая, — приводит к сбоям в работе рынков и даже к их краху. В то же время появились и сторонники, доказывающие неэффективность государственного вмешательства: провал рынка сам по себе нельзя считать оправданием

государственного вмешательства, поскольку действия правительства могут оказаться даже менее эффективными, чем деятельность рынка.

Неоклассическую школу критиковали за слишком сильную веру в то, что люди (индивидуумы) эгоистичны и рациональны. Однако слишком многое доказывает, что это не так. В центре внимания неоклассической школы находится обмен и потребление, что заставляет ее пренебрегать сферой производства — большой (и самой важной, по мнению многих других школ) частью экономики. Комментируя этот недостаток, Рональд Коуз, экономист институциональной школы, в своем докладе во время вручения Нобелевской премии в области экономики в 1992 году пренебрежительно охарактеризовал неоклассическую теорию как такую, которая годна только для анализа того, как «одиноким людям обмениваются орехами и ягодами на краю леса».

Марксистская школа. Капитализм — мощное средство экономического прогресса, но он рухнет, как только частная собственность станет препятствием для дальнейшего развития. Марксистская школа унаследовала многие элементы классической. Например, трудовую теорию стоимости. Они также поставили в центр внимания производство. Марксистская школа предусматривала экономическую систему, состоящую из классов, а не отдельных людей.

Маркс и его последователи перенесли понятие классовой структуры общества, предложенное классической школой, на другой уровень. Они рассматривали классовые противоречия как главную движущую силу истории. Распад социалистического блока показал, что марксистская теория, которая учила созданию альтернативы капитализму, была крайне несовершенной.

Девелопменталистская традиция. Полностью доверившись рынку, остальные страны не смогут развиваться. Теоретические труды по девелопменталистской традиции появились в конце XVI — начале XVII века благодаря экономистам эпохи Возрождения Джованни Ботеро и Антонио Серре, которые подчеркивали необходимость стимулирования производственной деятельности со стороны правительства.

Представителей девелопментализма XVII и XVIII веков, известных как меркантилисты, сегодня обычно изображают так, словно они были ориентированы исключительно на получение положительного сальдо торгового баланса, то есть положительной разницы между экспортом и импортом. Однако на самом деле многие из них были больше заинтересованы в продвижении высокопроизводительной хозяйственной деятельности с помощью принятия соответствующих политических мер.

В своем современном виде девелопменталистская традиция начала развиваться в 1950–1960-х годах; ею занимались такие экономисты, как Саймон Кузнец (1901–1985), Артур Льюис (1915–1991), Гуннар Мюрдаль (1889–1987) и Альберт Хиршман (1915–2012). Самые важные нововведения внес Хиршман, указавший, что некоторые отрасли имеют особенно многочисленные связи (или контакты) с другими отраслями промышленности, иными словами, они покупают — и продают — продукцию у особенно большого числа отраслей. Если правительство определит и целенаправленно будет стимулировать развитие этих отраслей (распространенными примерами служат автомобилестроительная и сталелитейная промышленности), то экономика будет расти энергичнее, чем если оставить все на усмотрение рынка.

Отсутствие согласованной всеобъемлющей теории — один из самых главных недостатков девелопменталистской традиции.

Австрийская школа. Никто не может знать все, поэтому оставьте всех в покое. Приверженцы австрийской школы экономики — еще более ярые сторонники свободного рынка, чем большинство последователей неоклассической школы. Австрийская школа была основана Карлом Менгером (1840–1921) в конце XIX века. Людвиг фон Мизес (1881–1973) и Фридрих фон Хайек (1899–1992) расширили ее влияние за пределы своей родины. В 1944 году Хайек опубликовал ставшую чрезвычайно популярной книгу [Дорога к рабству](#), которая активно предупреждала об опасности вмешательства государства, ведущего к потере фундаментальной свободы личности.

В австрийской школе рациональность человека считали ограниченной. Мир очень сложный и неопределенный. Никто — даже всемогущие чиновники, занимающиеся центральным планированием в социалистических республиках, которые могут запросить любую информацию у кого угодно, — не способен получить все данные, необходимые для управления сложной

экономикой. Разнообразные и постоянно меняющиеся планы многочисленных субъектов экономической деятельности, подверженные влиянию непредсказуемых и сложных тенденций мирового развития, могут быть согласованы друг с другом только через спонтанный характер конкурентного рынка.

Абсолютно верно утверждение австрийской школы о том, что для нас, возможно, было бы лучше полагаться на спонтанный характер рыночного порядка, потому что способность людей сознательно создавать порядок ограничена. Однако, разнообразие организационных механизмов в тех или иных капиталистических странах тоже в значительной степени представляет собой результат сознательного конструирования, а не спонтанного возникновения. Кроме того, и сам рыночный порядок имеет преднамеренно созданный, а не спонтанный характер. Даже сами границы рынка неоднократно определялись и перекраивались на основании преднамеренных политических решений — но этот факт австрийская школа не может или даже отказывается принять.

Австрийская позиция против государственного вмешательства слишком бескомпромиссна. По мнению приверженцев школы, любое правительственное вмешательство, за исключением обеспечения прав и порядка, особенно в отношении защиты частной собственности, приведет общество на скользкий путь, к социализму.

Шумпетерианская школа. Капитализм — это мощное средство экономического прогресса, но он сдаст свои позиции, поскольку компании становятся все более крупными и бюрократизированными. Шумпетер разрабатывал идеи Маркса о важности технологического развития в качестве главной силы капитализма. Он утверждал, что капитализм движется вперед за счет инноваций предпринимателей. Инновации дают успешным бизнесменам временные монополии на соответствующих рынках, что позволяет им заработать исключительную прибыль, которую он назвал предпринимательской прибылью. Со временем их конкуренты начинают копировать инновации, снижая общий доход до «нормального» уровня.

Шумпетер оказался провидцем. Упадок таких гигантов, как IBM и General Motors, или исчезновение компании Kodak, которая на пике развития занимала лидирующую позицию в своей отрасли, демонстрирует силу конкуренции за счет инноваций.

Шумпетер не был настроен оптимистично в отношении будущего капитализма. Шумпетерианскую школу можно подвергнуть критике за чрезмерное акцентирование внимания на технологиях и инновациях и за некоторое пренебрежение остальными экономическими вопросами, такими как труд, финансы и макроэкономика.

Кейнсианская школа. То, что хорошо для людей, необязательно так же хорошо для экономики в целом. Джон Мейнард Кейнс (1883–1946), пожалуй, самый влиятельный экономист XX века. Он дал новое определение предмету, открыв область макроэкономики, которая занимается анализом экономики вообще, как единого целого, которое отличается от суммы всех слагаемых. До Кейнса большинство соглашалось с мнением Адама Смита: «Что считается разумным в рамках любой семьи, может быть редкой глупостью в масштабах королевства».

Кейнс исходил из очевидного наблюдения, что экономика потребляет не все, производимое ею. Если исходить из предположения, что все произведенные продукты должны быть проданы, а все имеющиеся ресурсы (в том числе труд рабочих) — задействованы (это называется полной занятостью), то разницу между объемом производства и объемом потребления, то есть сбережения, следует инвестировать. К сожалению, нет никакой гарантии, что сбережения окажутся равны инвестициям. Дело в том, что инвестиции, отдача от которых приходит не сразу, зависят от того, чего ждет инвестор от будущего. В свою очередь, этими ожиданиями движут психологические факторы, а не рациональный расчет, потому что будущее полно неопределенности.³

Наверное, лучшее объяснение концепции неопределенности дал, как это ни удивительно, Дональд Рамсфельд, министр обороны в правительстве Джорджа Буша-младшего: «Есть переменные, о

³ Надо отметить, что Кейнс неплохо разбирался в вопросах неопределенности. Его диссертация, написанная в 1913 г., была посвящена проблемам вероятностей, основные результаты которой в 1921 году были опубликованы в работе «Трактат о вероятности».

существовании и динамике которых мы знаем; есть переменные, о существовании которых мы знаем, но не знаем их динамики; и наконец, существуют переменные, о которых мы не знаем ничего, включая даже сам факт их существования, — это неизвестные». Идея о «неизвестных» удачно резюмирует концепцию неопределенности Кейнса.

По утверждению Кейнса, для достижения полной занятости правительство должно активно использовать свои расходы, чтобы поддерживать уровень спроса. Кейнсианская школа создала экономическую теорию, которая больше подходила для развитой капиталистической экономики в XX веке, чем теория классической или неоклассической школ. Кейнсианская школа справедливо подчеркивает ключевую роль финансов в современном капитализме. Классическая школа не уделяла большого внимания финансовым отношениям, поскольку развивалась во времена, когда финансовый рынок был примитивным. Неоклассическая теория появилась в мире, уже достаточно похожем на тот, в каком жил Кейнс, но, учитывая ее нежелание признать неопределенность, деньги не имели в ней большого значения. В отличие от этих школ, в кейнсианской теории финансовые отношения играют ключевую роль, поэтому она оказалась очень полезна для нас, потому что, в частности, позволила понять такие события, как Великая депрессия 1929-го и мировой финансовый кризис 2008 года.

Нацеленность на краткосрочные макроэкономические переменные сделали кейнсианскую школу достаточно слабой с точки зрения объяснения долгосрочных вопросов, таких как технический прогресс и институциональные изменения.

Институциональная школа. Люди — это продукт собственного общества, даже если они способны изменить его правила. В конце XIX века группа американских экономистов поставила под сомнение учения доминирующих в то время классической и неоклассической школ из-за приуменьшения или даже игнорирования ими социальной природы людей, то есть того факта, что они продукт своего общества. Эти экономисты утверждали, что мы должны проанализировать институты, или социальные правила, оказывающие влияние на людей и даже формирующие их.

Торстейн Веблен (1857–1929) утверждал, что за любым поведением человека стоит множество мотивов — инстинкт, привычка, убеждение — и только после этого рациональный мотив. Веблен также подчеркивал, что человеческая рациональность формируется социальной средой, состоящей из институтов: формальных (например, законов и внутренних правил компаний) и неформальных (социальных обычаев, соглашений в деловых отношениях).

После 1960-х годов институциональная школа пришла в упадок. Она не могла в полной мере теоретически обосновать разнообразные механизмы, посредством которых возникают, существуют и изменяются сами институты, потому что рассматривала их только как результаты формальных коллективных решений (например, законодательства) или продукты истории (например, культурные нормы). А институты способны появляться на свет и другими путями. Например, как спонтанный порядок, формирующийся в ходе взаимодействий рациональных индивидуумов (австрийская школа).

В 1980-х группа экономистов, придерживающихся неоклассического и австрийского учений и возглавляемая Дугласом Нормом, Рональдом Коузом и Оливером Уильямсоном, организовала новую школу, известную под названием новой институциональной школы. Неоинституционализм стал анализировать, как появляются институты на основе осознанного выбора людей. Ключевым понятием неоинституционализма стали трансакционные издержки, определяемые как «стоимость эксплуатации экономической системы», которая включает в себя расходы на проведение обмена на рынке, а также связанные с этим затраты по обеспечению договора после завершения обмена. Трансакционные издержки включают в себя стоимость охраны от краж, эксплуатацию судебной системы и даже контроль рабочих на заводах, чтобы они вкладывали в работу максимально возможное количество усилий согласно контракту.

Рыночные сделки часто бывают слишком дорогими из-за высокой стоимости информации и обеспечения исполнения контрактов. В таких случаях гораздо эффективнее получается сделать все посредством иерархических команд внутри компании.

Бихевиоризм. Мы недостаточно умны, поэтому должны сознательно ограничивать свою свободу выбора с помощью правил. Бихевиоризм пытался моделировать истинное поведение людей,

отвергая доминирующее неоклассическое предположение, будто люди всегда действуют рационально и эгоистично. Школа получила известность благодаря своей теории поведенческих финансов и экспериментальной экономике. Но ее истоки можно проследить в 1940–1950-х годах, особенно в работах Герберта Саймона (1916–2001), лауреата Нобелевской премии в области экономики 1978 года.

Основная идея Саймона строилась на концепции ограниченной рациональности. Он критиковал неоклассическую школу за предположение о том, что люди обладают неограниченными возможностями для обработки информации. Саймон не оспаривал мнение об иррациональности человека. По причине ограниченной рациональности мы разрабатываем мыслительные «ярлыки», которые позволяют нам «экономить» умственные способности. Их называют эвристиками (или интуитивным мышлением), и они принимают различные формы: проверенных правил, здравого смысла или экспертной оценки.

Бихевиоризм также предоставляет убедительные аргументы в пользу того, почему такие человеческие качества, как эмоции, верность и справедливость, имеют большое значение — хотя большинство экономистов, особенно сторонники неоклассической и марксистской теорий, никогда не обращали на них внимания. Чрезмерно пристально изучая людей и психологию, бихевиоризм почти не обращал внимания на вопросы технологии и макроэкономики.

Это разнообразие экономических концепций следует сохранить или даже приумножить. Более того, нам нужно, чтобы они опылили друг друга. Различные экономические концепции действительно могут выиграть, обменявшись знаниями, и сделать наше понимание мира экономики богаче.

Когда мы знаем о существовании различных экономических теорий, мы сможем сказать принимающим решения людям, что они не имеют права говорить нам, что «альтернативы не существует». Как только мы узнаем, что экономические теории дают разные рекомендации отчасти потому, что они основаны на различных этических и политических ценностях, мы сможем с уверенностью рассуждать о них с точки зрения того, чем они являются на самом деле, — а именно политическим аргументом, а вовсе не наукой, в которой все четко делится на правильное и неправильное.

Глава 5. ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА: КТО ТАКИЕ СУБЪЕКТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ?

Нет высшей власти — короля, папы римского или министра планирования, — которая указывала бы людям, чего они должны хотеть и что производить. Исходя из этого, многие экономисты свободного рынка утверждают, что существует неразрывная связь между свободой выбора отдельных потребителей и их более широкой политической свободой. Известными примерами служит критика социализма Фридрихом фон Хайеком в «Дороге к рабству» и страстная защита системы свободного рынка Милтоном Фридманом в [Свободе выбирать](#).

Понимая причины привлекательности индивидуалистического подхода к разработке экономической теории, следует признать и его серьезные недостатки. С политической точки зрения, в нем нет четкой взаимосвязи между экономической и политической свободой страны. Многие диктаторские режимы вели политику очень свободного рынка, в то время как многие демократические страны, например, в Скандинавии, имеют низкую экономическую свободу из-за высоких налогов и обилия нормативных актов.

Индивидуалистический подход к экономике стал доминирующим отнюдь не за одни свои интеллектуальные достоинства. Индивидуалистический подход получает намного больше поддержки и одобрения, чем его альтернативы, со стороны тех, кто имеет власть и деньги, а, следовательно, больше влияния.

Герберт Саймон и Джон Гэлбрейт признали индивидуалистический подход устаревшим с конца XIX века. Наиболее важные действия в нашей экономике осуществлялись не индивидуумами, а крупными организациями со сложными внутренними структурами принятия решений: корпорациями, правительствами, профсоюзами и, как это происходит все чаще, международными организациями. Корпоративные решения принимаются иначе, чем индивидуальные. В центре механизма принятия корпоративных решений находятся акционеры. Однако распределение акций среди множества акционеров не дает им реального контроля. Его имеют менеджеры. Такая ситуация

известна как разделение прав собственности и контроля. Это создает [проблему принципал — агент](#). Это проблему можно уменьшить, если тесно связать интересы менеджеров с интересами акционеров. Майкл Дженсен и Юджин Фама, лауреат Нобелевской премии в области экономики 2013 года, предложили два основных подхода. Первый заключается в упрощении процедуры поглощения ради того, чтобы менеджеров, не удовлетворяющих акционеров, было легко заменить. Второй подход состоит в выплате большей части зарплат менеджеров в виде акций компаний, на которые они работают (опционов), чтобы заставить их смотреть на вещи с позиций собственника. Идея была кратко сформулирована в виде термина «максимизация стоимости для акционеров», придуманного в 1981 году Джеком Уэлчем, на тот момент CEO и председателем совета директоров General Electric.

В большинстве современных стран правительство — крупнейший работодатель, на которого в некоторых случаях трудится до 25% национальной рабочей силы. Процесс принятия правительственных решений намного сложнее, чем даже в самых крупных корпорациях с наиболее сложными структурами собственности. При принятии решений даже государства с однопартийной системой правления не могут не принимать во внимание интересы меньшинства. Парламентарии и чиновники лоббируются всевозможными группами, заинтересованными в определенных политических решениях.

Глава 6. СКОЛЬКО ВАМ НАДО? ОБЪЕМ ПРОИЗВОДСТВА, ДОХОД И СЧАСТЬЕ

Любимая мера объема производимой продукции у экономистов — валовой внутренний продукт, или ВВП. Если вычесть износ оборудования из ВВП, мы получим чистый внутренний продукт, или ЧВП. Не все производители выпускают продукцию только в странах, где они зарегистрированы; компании управляют фабриками за рубежом, а люди получают работу в других государствах. Параметр, который измеряет весь выход продукции, произведенной согражданами (включая компании), а не только то, что было выпущено на территории данной страны, называется валовым национальным продуктом, или ВНП.

Однако, существует особый класс нерыночной продукции, ценность которой не учитывается в ВВП. Например, работа по дому, включая приготовление пищи, уборку, присмотр за детьми и пожилыми родственниками и тому подобное. По некоторым оценкам, стоимость работ по дому составляет около 30% ВВП.

Если исключить страны с населением менее полумиллиона человек, самой богатой страной будет Норвегия (рис. 1).

Диапазон дохода	Страны (от самой богатой до самой бедной в каждой группе)
50 001 доллар США и выше	Норвегия (85 380 долларов) Швейцария (70 350 долларов) Дания (58 980 долларов)
45 001–50 000 долларов США	Швеция (49 930 долларов) Нидерланды (49 720 долларов) Финляндия (47 170 долларов) США (47 140 долларов) Бельгия (45 420 долларов)
40 001–45 000 долларов США	Австралия (43 740 долларов) Германия (43 330 долларов) Франция (42 390 долларов) Япония (42 150 долларов) Канада (41 950 долларов) Сингапур (40 920 долларов)
30 001–40 000 долларов США	Великобритания (38 540 долларов) Италия (35 090 долларов) Испания (31 650 долларов)
20 001–30 000 долларов США	Новая Зеландия (29 050 долларов) Израиль (27 340 долларов) Греция (27 240 долларов)
15 001–20 000 долларов США	Южная Корея (19 890 долларов) Чехия (17 870 долларов) Словакия (16 220 долларов)

Рис. 1. Наиболее богатые страны по показателю ВВП на душу населения

Выбор и измерение показателей в экономике не могут быть столь же объективными, сколь, скажем, в физике или химии. Даже в отношении, казалось бы, самых простых экономических показателей, таких как объем производства и доход, эта задача представляется достаточно сложной. В их состав входит множество оценочных суждений, например, решение включать или не включать работы по дому в статистику объемов производства.

Глава 7. КАК РАСТЕТ ВАШ САД? МИР ПРОИЗВОДСТВА

Экономическое развитие – процесс экономического роста, основанный на увеличении производственных мощностей в стране: ее способности организовывать и, что более важно, преобразовывать свою производственную деятельность. Страны, увеличивающие ВВП исключительно за счет эксплуатации природных ресурсов, не показывают экономического развития.

Технологии — это еще не все; важна также организации работы. Например, сборочная линия, научная организация труда (тейлоризм), бережливой производство. В отличие от экономического роста, экономическое развитие не может быть измерено с помощью одного показателя. Чтобы оказаться применимыми, большинство технологий должны быть воплощены в основном капитале, то есть в оборудовании и сооружениях, например, зданиях, железных дорогах. Таким образом, без крупных инвестиций в основной капитал, технически называемых валовым накоплением основного капитала (ВНОК), экономика не сможет значительно развить свой производственный потенциал. Инвестиционный коэффициент (ВНОК/ВВП) — хороший индикатор ее способности к развитию. Для мира в целом инвестиционный коэффициент составляет около 20–22%. В Китае – это ошеломляющие 45%, наблюдающиеся в течение последних нескольких лет.

Еще один простой, но наглядный индикатор экономического развития страны, особенно для стран с высоким уровнем доходов, — это отношение расходов на научные исследования и разработки к ВВП и его динамика. Средний показатель в ОЭСР составляет 2,3%, несколько стран тратят на данные цели более 3% ВВП. Лидеры – Финляндия и Южная Корея.

В последнее время стало модным утверждение, что производственный сектор больше не имеет такого большого значения, поскольку мы вступили в эпоху *постиндустриального общества*. На самом деле, роль обрабатывающей промышленности остается значительной.

В докладе Римскому клубу, опубликованному в 1972 году, были представлены результаты моделирования роста человеческой популяции и исчерпания ресурсов. В его основу легли данные, полученные в результате компьютерного моделирования роста потребления ресурсов. Позднее книгу «Пределы роста» по материалам доклада написал коллектив авторов: Донелла Медоуз, Деннис Медоуз, Йорген Рандерс и Уильям Беренс. Там было сказано, что запасы нефти в мире закончатся в 1992 году или около того. Предсказание Клуба оказалось верным. Мы и правда истощили запасы нефти, то есть той нефти, доступ к которой имели с технологиями 1970-х годов. Но мы по-прежнему сжигаем ее в огромных количествах, потому что нашли намного более эффективные способы обнаружения и добычи этого природного ресурса из мест, к которым просто не могли подступиться 40 лет назад.

Глава 8. БЕДА В БАНКЕ FIDELITY FIDUCIARY: ФИНАНСЫ

Банковская деятельность основана на доверии. Для банка давать «ложные» обещания — не проблема. Как правило, одновременно лишь небольшая часть вкладчиков желает вернуть свои деньги, поэтому банку вполне безопасно иметь некоторую сумму наличных (или приравненных к ним ценных бумаг, например, государственных облигаций, которые можно быстро продать), покрывающую лишь часть средств на всех депозитных счетах. Однако если владельца депозитного счета вдруг одолевают сомнения по поводу способности банка вернуть лежащие там средства, у этого человека появляется причина как можно скорее отозвать свои деньги. Если достаточно много держателей депозитов начнут думать и действовать таким образом, может возникнуть паника. Эта ситуация известна как *массовое изъятие депозитов*.

Классическим решением проблемы доверия является наличие центрального банка, способного печатать деньги по своему желанию, используя монополию в выдаче банкнот (и монет), и одалживать их без ограничения банку, у которого возникли проблемы с доверием. Однако это трюк работает только потому, что проблема доверия — это проблема денежных потоков или того, что называется *кризисом ликвидности*.

Банк, столкнувшийся со сложностями, владеет активами (кредитами, которые он выдал, купленными им облигациями и прочим), ценность которых превышает его обязательства (депозиты, выпущенные облигации, займы у другого банка). Однако он не может сразу продать эти активы и выполнить все свои обязательства.

Если у банка случается *кризис платежеспособности*, когда общая стоимость его обязательств превышает его активы, то никакая сумма кредита центрального банка не решит эту проблему. В таком случае банк либо будет признан банкротом, либо потребует государственной санации, которая происходит, когда правительство вводит новый капитал в попавший в беду банк.

Страна также может укрепить доверие к своим банкам через систему страхования вкладов. С такой гарантией вкладчики могут не паниковать и не пытаться забрать свои средства при малейшем снижении уверенности в банках. Это значительно уменьшает вероятность массового изъятия.

К середине XX века передовые развитые страны получили довольно хорошо функционирующую финансовую систему. В ее центре находился банковский сектор. Другими ключевыми элементами были фондовый рынок и рынок облигаций, который можно разделить на рынок государственных и корпоративных облигаций.

Банки бывают коммерческими — кредитующими физических и юридических лиц, и инвестиционными — помогающими компаниям в выпуске и распространении акций и облигаций и торговле ими. В дополнение к продаже акций и облигаций компаниям-клиентам инвестиционные банки покупают и продают акции и облигации на собственные средства, надеясь в процессе получить прибыль. Это называется *собственными торговыми операциями*. С 1980-х и особенно с 1990-х годов инвестиционные банки уделяют все больше внимания созданию и продаже новых финансовых продуктов, таких как продукты секьюритизированной задолженности, и производных финансовых продуктов, или просто деривативов.

Считалось, что все это снижает риск для рассматриваемых финансовых продуктов — сначала с помощью распределения на множество заемщиков (объединение), а затем через умышленное создание зон безопасности в рамках этого объединения (структурирование).

Однако, как ни крути, эти бумаги были основаны на ненадежных активах — на ипотечных займах, выданных людям с нестабильным трудоустройством, или долгах по кредитным картам клиентов с небезупречными финансовыми историями.

В наше время деривативные контракты могут включать все что угодно: продукты (например, рис, масло), финансовые активы (акции, обмен валют), цены (индексы фондового рынка, цены на недвижимость) или даже погоду. Но в самом начале они в основном были связаны с рынками товаров. Классический пример — фермер, выращивающий рис, и торговец, покупающий рис, которые собираются подписать договор о том, что фермер продаст рис торговцу по заранее согласованной цене, когда соберет урожай. Такой тип договора называется форвардным контрактом. Как только контракт заключен, дериватив становится ставкой на реальные вещи, на которых он основан. В нашем примере форвардный контракт на рис становится ставкой на цену риса в будущем.

Деривативы позволяют застраховаться от рисков, но они также создают условия для спекуляций (подробнее см. [Стефан Бернстейн. Деривативы за день](#), [Татьяна Сафонова. Операции с производными финансовыми инструментами](#)). К 2011 году, по оценкам МВФ, объем всемирного внебиржевого рынка деривативов составлял 648 триллионов долларов в показателях «выдающейся ценности» (то есть общей стоимости «ставок», которая обычно во много раз превышает стоимость соответствующих активов). «Рыночная стоимость» контрактов оценивалась в 27 триллионов долларов — сравните с 110 триллионами долларов всемирных банковских активов и 70 триллионами долларов мирового ВВП (эти цифры на самом деле несопоставимы друг с другом, они даны только для того, чтобы вы осознали масштаб).

Новая финансовая система, возникшая за три последних десятилетия, должна была стать более эффективной и безопасной, чем старая, в которой доминировали бестолковые коммерческие банки, работающие с ограниченным диапазоном финансовых инструментов и неспособные удовлетворить все более разнообразные потребности в финансовых рисках. Считалось, что большая свобода договора повысит вероятность того, что участники финансовых рынков смогут придумать инновационные способы более эффективно оценивать риск и цену активов, что повысит стабильность системы. Вероятность того, что новые финансовые инструменты могут оказаться слишком сложными для безопасного управления ими, даже не рассматривалась.

Когда пузырь на рынке недвижимости в США лопнул в 2007–2008 годах — цены были слишком высокими и, учитывая результаты работы лежащей в их основе экономики, больше не могли оставаться устойчивыми — вслед за этим случился крах на рынках производных бумаг, которые жили за их счет, что привело к крупнейшему финансовому кризису со времен Великой депрессии. Все это произошло из-за чрезмерного усложнения финансовой системы. Чтобы справиться с этим захлестывающим потоком информации, были разработаны сложные математические модели, но в итоге события продемонстрировали, что они в лучшем случае абсолютно непригодны, а в худшем — становятся источником ложного чувства контроля.

Увеличение взаимосвязанности также усилило нестабильность финансовой системы. С начала 1980-х США, Великобритания, а затем другие страны смягчили требования или даже отменили широкий спектр нормативных актов в области финансовой деятельности. Результатом стало широкое распространение связей между различными частями финансовой системы, чего никогда не было раньше. При таком усилении взаимосвязанности проблема, возникшая в одной части системы, быстро распространялась на другие части, значительно повышая нестабильность системы в целом.

К тому же новая финансовая система усилила упор нефинансовых компаний на краткосрочные результаты. Такая практика оставляла компании очень мало средств для инвестирования, например, в оборудование, НИР и обучение персонала, что в перспективе снижало ее производительность и конкурентоспособность.

При новом режиме финансовый сектор стал гораздо более выгодным, чем нефинансовый, — хоть так было не всегда. Теперь он мог позволить себе предложить заработные платы и бонусы, намного превышавшие то, на что хватало ресурсов у других секторов, и привлекать самых ярких людей,

независимо от того, какие науки они изучали в университетах. К сожалению, это привело к нерациональному использованию талантов, поскольку люди, которые могли бы принести больше пользы в других профессиях — в технике, химии, да в чем угодно, — оказались заняты продажей деривативов или построением математических моделей для их ценообразования. Кроме того, большие суммы денег, затраченные на обучение, ушли впустую, поскольку многие люди не применяли те знания, которые им изначально давали.

Глава 9. ПУСТЬ У БОРИСА СДОХНЕТ КОЗА: НЕРАВЕНСТВО И БЕДНОСТЬ

Стремление к равенству является важной движущей силой истории человечества. Сторонники политики свободного рынка, однако, предостерегают нас от того, чтобы этот «основной инстинкт» взял над нами верх. Неравенство представляет собой неизбежное следствие различной производительности разных людей. Богатые богаты потому, что они лучше преуспевают в создании богатства. Пытаясь идти против этого естественного хода вещей, мы будем создавать равенство только в нищете, предупреждают они нас. Если к услугам богатых людей будет больше денег, они станут инвестировать больше и зарабатывать больше для других. В последние три десятилетия вера в эффект просачивания благ сверху вниз побудила правительства многих стран принять политические меры в пользу интересов богатых людей.

Тем не менее многие утверждают, что слишком сильное неравенство плохо не только с этической, но и с экономической точки зрения. Неравенство снижает социальную сплоченность, увеличивая политическую нестабильность, которая делает будущее неопределенным. Сокращение инвестиций снижает рост.

Существует несколько различных способов измерить степень неравномерности в распределении доходов. Наиболее часто используемый показатель — коэффициент Джини, названный в честь итальянского статистика начала XX века Коррадо Джини. Как можно видеть на следующем графике, он сравнивает распределение реального дохода (обозначенного на графике кривой Лоренца) [6] с положением полного равенства (показанного на графике линией, расположенной под углом 45 градусов). Кривая Лоренца определяет долю общего дохода в экономике, которая в совокупности была заработана нижними x процентами населения. Коэффициент рассчитывается как отношение доли области между кривой Лоренца и линией, расположенной под углом 45 градусов, к треугольнику, лежащему ниже линии, расположенной под углом 45 градусов $A/(A+B)$.

Коэффициент Джини = $A/(A+B)$ = (область между линией, расположенной под углом 45°, и кривой Лоренца)/(область под линией, расположенной под углом 45°)

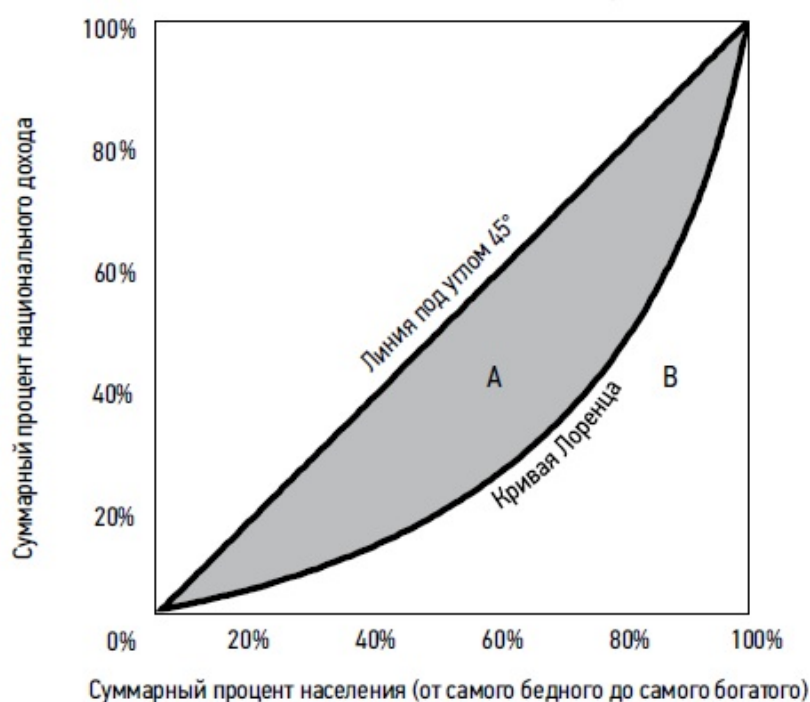

Рис. 2. Коэффициент Джини в качестве измерителя неравномерности в распределении доходов

Наиболее равноправные общества главным образом сосредоточены в Европе, их коэффициенты Джини лежат между 0,2 и 0,3: Австрия, Бельгия, Дания, Германия, Нидерланды, Норвегия (страна с наиболее равномерным распределением доходов в мире), Финляндия, Франция и Швеция. На другом полюсе расположены страны, коэффициенты Джини которых превышают 0,6: Ботсвана, Мадагаскар, Намибия и ЮАР.

В настоящий момент международная (абсолютная) черта бедности установлена на уровне паритета покупательной способности, равного 1,25 доллара в день или 456 долларов год. Сегодня около 1,4 миллиарда человек, или примерно один из пяти человек в мире, живут менее чем на 1,25 доллара в день. С точки зрения относительной бедности мы можем говорить о показателях бедности в странах в соответствии с официальной чертой бедности для каждого государства. В богатых странах доля населения, живущего ниже национальной черты бедности — которая называется уровень бедности, — колеблется между 5-6% (Ирландия, Франция и Австрия) и 20% (Португалия и Испания). В ряде государств уровень бедности в соответствии с национальной чертой может составлять до 80%, например, Гаити.

Глава 10. ЗНАЛ Я НЕСКОЛЬКИХ РАБОТАЮЩИХ: РАБОТА И БЕЗРАБОТИЦА

Для большинства людей труд значит гораздо больше, чем просто средство для получения дохода. Затраты такого большого количества времени на то, что происходит на рабочем месте, влияют на наше физиологическое и психологическое благополучие. Это может даже формировать нас самих.

По оценкам МОТ, по состоянию на 2012 год около 21 миллиона человек в мире занимаются принудительным трудом. Это лишь 0,6% глобальных трудовых ресурсов, которые, по оценкам, достигают 3,3 миллиарда человек. По оценкам МОТ, в мире насчитывается 123 миллиона работающих детей в возрасте от 5 до 14 лет, что эквивалентно 3,7% рабочей силы в мире. В большинстве богатых стран люди работают около тридцати пяти часов в неделю, хотя в государствах Восточной Азии рабочая неделя длится значительно дольше (в Японии — 42 часа, в Корее — 44, в Сингапуре — 46).

Не существует единого способа измерить гарантию занятости, но самым надежным показателем, вероятно, служит доля сотрудников, проработавших в компаниях менее шести месяцев; информацию об этом опубликовала ОЭСР для своих стран-членов. В соответствии с этими данными, по состоянию на 2013 год турецкие рабочие имеют наименьшую гарантию занятости (26 процентов), за ними следуют корейцы (24 процента) и мексиканцы (21 процент). Жители Греции, Словакии и Люксембурга имеют самую надежную гарантию занятости (у всех около 5 процентов).

Существует несколько видов безработицы:

- Люди между работами: *временная безработица*
- Некоторые навыки больше не востребованы: *технологическая (или структурная) безработица*
- Убежденные в правильности современной трактовки закона Сэя, многие экономисты неоклассической школы утверждают, что работы у людей нет потому, что кто-то — государство или профсоюзы — не дает им возможности согласиться на тот уровень заработной платы, который приведет к рыночному равновесию. Поскольку этот вид безработицы связан с вмешательством «политических» структур, правительства или профсоюзов, его можно назвать *политической безработицей*. Потенциальное решение этой проблемы — создание более «гибкого» рынка с помощью таких мер, как уменьшение влияния профсоюзов, отмена минимальной заработной платы и минимизация защиты работников от увольнения.
- В соответствии с теорией Кейнса бывают случаи вынужденной безработицы, которые возникают вследствие недостатка совокупного спроса, например, как в период Великой депрессии. Для такого вида безработицы, известного под названием *циклическая безработица*. Основное решение — увеличение спроса за счет дефицитного бюджетного финансирования государством и смягченной кредитно-денежной политики (например, снижения процентных ставок), пока частный сектор не восстановится и не начнет создавать достаточно новых рабочих мест.

- Многие экономисты — от Карла Маркса до Джозефа Стиглица (в его модели эффективной заработной платы) — утверждают, что безработица представляет собой неотъемлемую часть капитализма. Лучший способ навязать рабочим дисциплину — это сделать для них потерю места очень дорогостоящей путем увеличения заработных плат выше рыночного уровня.
- Если человек легко может получить другую работу с равной зарплатой, он не будет бояться угрозы увольнения. Тем не менее, поскольку все капиталисты делают то же самое, в результате получается, что общий уровень заработной платы возносится выше уровня рыночного равновесия и возникает безработица. Этот вид безработицы можно назвать *системной безработицей*.

Как измерить уровень безработицы на практике? Вычитая тех, кто не ищет работу активно, из населения трудоспособного возраста, вы получаете экономически активное население. Только те, кто относится к экономически активному населению (то есть активно ищут оплачиваемую работу), но не трудится, считаются безработными.

Глава 11. ЛЕВИАФАН ИЛИ ПРАВИТЕЛЬ-ФИЛОСОФ? РОЛЬ ГОСУДАРСТВА

Большинство современных экономистов верят в индивидуализм, то есть в то, что не может быть ничего выше власти отдельных людей. Эта философская позиция приводит к выводу, что правительство — это продукт общественного договора между суверенными индивидуумами, следовательно, оно не может быть выше этих индивидуумов. С этой точки зрения, называемой договорной теорией, действия государства оправданы только тогда, когда каждый человек дает на них свое согласие. Теория общественного договора, поддерживающая свободный рынок более известной в США как *либертарианство*.

По мнению либертарианцев, любое вмешательство государства без единодушного согласия всех членов общества нелегитимно. Выходит, обоснованы только такие действия правительства, как контроль над соблюдением правовых норм и поддержание порядка (особенно защита прав собственности), оборона страны и обеспечение инфраструктуры. Все, что находится за пределами этих минимальных функций — законодательство о минимальной заработной плате, система социального государства или таможенная защита, — рассматривается как нарушение суверенитета индивидуумов и, следовательно, это первый шаг по «дороге к рабству», как гласит название знаменитой книги Фридриха фон Хайека. Действительно, мир пострадал от слишком многих правителей, которые считали, что они знают, что хорошо для всех остальных — от Пола Пота и Сталина до Пиночета и Гитлера.

Тем не менее положения теории общественного договора основаны на вымышленной, а не реальной истории. Люди никогда не существовали как свободно договаривающиеся стороны в «естественном состоянии», а всегда жили как члены сообщества.

Многие продукты и услуги представляют собой частные блага в том смысле, что только тот, кто заплатил за них, скажем, за яблоко или отпуск, может ими пользоваться. Тем не менее нельзя предотвратить потребление товаров людьми, за них не платившими, уже после того, как они были поставлены. Такие продукты и услуги называются общественными благами, и их существование, пожалуй, наиболее часто упоминается как причина провала рынка. В общественные блага включаются дороги, мосты, маяки, системы защиты от наводнений и другие объекты инфраструктуры.

Широкое признание получило мнение, что достаточно общественных благ создается только в том случае, если правительство облагает налогом всех потенциальных пользователей (что часто означает всех граждан и жителей города) и употребляет полученные средства, либо самостоятельно предоставляя общественные блага, либо нанимая поставщика для их обеспечения. Большинство общественных благ таковы по политическим причинам: *истинно* общественных благ немного.

Еще более спорный вопрос, обсуждаемый экономистами, — несостоятельность рынка при существовании монополии или олигополии; такое явление в неоклассической экономической теории обобщенно называют *несовершенной конкуренцией*. Существует мнение, что если на рынке больше компаний, обладающих рыночной властью, то правительство может попытаться уменьшить общественные издержки монополии за счет снижения рыночной власти этих компаний. Наиболее

радикальная из таких мер — это идея разделить подобную компанию на части, чтобы увеличить конкуренцию. Обычным подходом также служит запрет правительства на формирование картелей олигополистическими компаниями и сговор при установлении цен на продукцию.

По сравнению с общественными благами или внешним эффектом из-за несовершенной конкуренции в несостоятельности рынка больше противоречий. Австрийская школа осуждает совершенную конкуренцию, идеализируемую экономистами неоклассической школы, считая ее состоянием экономического застоя, где нет никаких инноваций. Если приманка (временной) монопольной прибыли мотивирует компании к инновациям, подавление или даже раздробление монополий приведет к сокращению инноваций и технологическому застою (подробнее см. [Доминик Арментано. Антитраст против конкуренции](#)).

Как верно отмечают некоторые экономисты — приверженцы свободного рынка, проявление несостоятельности рынком необязательно означает, что ситуация улучшится при государственном вмешательстве. Энн Крюгер, Джеймс Бьюкенен, Алан Пикок и их последователи справедливо указывают, что реальные правительства не идеальны и что они могут оказаться неспособны — или, хуже того, могут даже не хотеть — исправить ситуацию несостоятельности рынка. Согласно этой теории, называемой теорией общественного выбора, цена неэффективного государственного вмешательства зачастую обходится обществу дороже, чем цена несостоятельности рынка.

Правительство бывает неспособно компенсировать несостоятельность рынка, даже если захочет, из-за асимметричной информации и ограниченности ресурсов. Напоминаю, это значит, что при взаимодействии двух сторон одна из них знает о деятельности, в которую вовлечена, больше, чем другая. Правительство, например, может продолжать осуществлять защиту молодой отрасли промышленности, потому что ее лоббисты говорят, что отрасль не сумела «вырасти» из-за невезения, а не из-за недостаточных усилий в повышении производительности.

Даже если мы признаем правильной экономическую теорию сторонников идеи о неэффективности государственного вмешательства, провести четкую границу между экономикой и политикой все равно не представляется возможным, потому что точная граница рынка в конечном счете определяется политикой, а не экономической теорией в любой ее вариации. Прежде чем даже заключать сделки на рынке, нам нужны (явные и неявные) правила о том, что можно продавать, кто может продавать и как можно продавать на рынке. И эти основные правила не могут быть установлены экономической логикой. Не существует «научного» перечня того, что должно (или не должно) покупаться или продаваться на рынке. Это политическое решение. Все общества не допускают определенные «товары» на рынок: людей (рабство), человеческие органы, детский труд...

До XIX века влияние правительств большинства стран на экономику было незначительным. В 1880 году расходы правительства Франции равнялись 15% ВВП. В Великобритании и США государственные расходы были эквивалентны 10% ВВП, а в Швеции — всего 6%. Сейчас эта цифра составляет 30-55% для богатых стран. Причем, значительная часть государственных расходов идет отнюдь не на содержание самого правительства или инвестиции. Это трансферты, то есть перевод денег из одной сферы экономики в другую, особенно на программы социальной защиты, такие как пособия малоимущим и по безработице.

Глава 12. «ВСЕ, ЧТО МОЖНО ПОЖЕЛАТЬ»: МЕЖДУНАРОДНЫЙ МАСШТАБ

Важность международной торговли не означает, что свободная торговля — это лучший способ торговать на международном уровне.

В начале 1960-х объем международной торговли, рассчитывавшийся как сумма экспорта и импорта товаров и услуг, равнялся 12% мирового ВВП. Благодаря тому, что международная торговля росла гораздо быстрее, чем мировой ВВП, в настоящее время соотношение составляет 29%. При этом в США и Японии этот показатель сегодня составляет лишь 15%. На среднем уровне (29%) находятся Франция, Италия, Индия, Индонезия и Китай. На уровне 60% — Нидерланды, Бельгия, некоторые экспортеры нефти (Ангола и Саудовская Аравия) и развивающиеся страны, которые целенаправленно продвигают экспорт промышленных товаров с помощью политических мер (Малайзия и Таиланд).

Платежный баланс — это ведомость, показывающая, сколько долгов или кредитов и в каких сферах коммерческих взаимоотношений с остальным миром имеет страна. Если страна импортирует

больше, чем экспортирует, говорят, что она имеет дефицит торгового баланса, или отрицательное сальдо торгового баланса. В обратном случае она имеет торговый профицит, или положительное сальдо торгового баланса (рис. 3).

Платежный баланс (выборочные основные составляющие)

Текущий счет

Торговля

Товары

Услуги

Доходы

Заработная плата работников

Инвестиционный доход

Текущие трансферты

Переводы средств в страну работниками

Иностранная помощь

Счет операций с капиталом и финансовыми инструментами

Счет движения капитала

Капитальные трансферты

Приобретение/продажа нефинансовых активов

Финансовый счет

Портфельные инвестиции

Акционерный капитал

Долговые обязательства (в том числе облигации и деривативы)

Прямые (иностранные) инвестиции

Прочие инвестиции (в том числе торговые кредиты и банковские ссуды)

Резервные активы

Рис. 3. Статьи платежного баланса

Резервные активы — это иностранная валюта и золото, которыми владеет центральный банк. Их часто называют *валютными резервами*.

Например, в 2010 году профицит торгового баланса как доля ВВП составил 1,2 процента в Японии, 2,6 — в Корее, 3,9 — в Китае, 5,6 — в Германии и 6,5 процента в Венгрии. Торговый дефицит в виде доли ВВП равнялся 1 проценту в Бразилии, 2,1 процента в Великобритании, 3,5 — в США, 4 процентам в Эквадоре и 4,4 процента в Индии.

Экономисты свободного рынка поют дифирамбы преимуществам открытых границ. При этом об одном объекте экономических операций никто ничего такого не говорит — это иммиграция, или трансграничное перемещение людей. Очень мало сторонников свободного рынка выступают за свободную иммиграцию так же активно, как за свободную торговлю.

В период с 1990-го по 2010 год число приезжих, живущих в Европе, увеличилось с 88 до 145 миллионов человек. В относительном выражении это означает, что количество иммигрантов в богатых странах выросло с 7,8 процента населения в 1990 году до 11,4 — в 2010-м. Разумеется, это значительное увеличение, но вряд ли его можно назвать резким скачком, каким его иногда представляют.

Эпилог. КАК С ПОМОЩЬЮ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ СДЕЛАТЬ НАШУ ЭКОНОМИКУ ЛУЧШЕ?

Экономическая теория была и остается частью политики. Она никогда не была — и не станет — наукой, потому что в экономике нет объективных истин, которые можно установить независимо от политических, а часто и этических суждений. Поэтому, столкнувшись с экономическим аргументом, нужно задать себе извечный вопрос: *Cui bono?* (Кому это выгодно?). Его, кстати, задавал еще римский государственный деятель и оратор Марк Туллий Цицерон.

Многие люди предполагают, что цифры — это прямые и объективные данные, однако каждая из них построена на основе теории. Цифры в экономике неизменно бывают результатом попыток измерить понятия, определения которых зачастую крайне спорны. Это касается даже самых основных цифр, которые мы считаем само собой разумеющимися, такими как ВВП или уровень безработицы.

Вы должны быть готовы бросить вызов профессиональным экономистам (и мне в том числе), потому что у них нет монополии на истину, даже когда дело доходит до сугубо экономических вопросов (не говоря уже обо «всем на свете»). Экономика слишком важная сторона нашей жизни, чтобы отдавать ее на откуп профессиональным экономистам.

Библиография на русском языке

Адамс Д. Автостопом по Галактике. – М.: АСТ, 2002.

Харфорд Т. Экономист под прикрытием. – СПб.: BestBusinessBooks, 2009

Харфорд Т. Логика жизни, или Экономика обо всем на свете. – СПб.: BestBusinessBooks, 2011.

Левитт С, Дабнер С. Фрикономика. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2011.

Беккер Г. Человеческое поведение. Экономический подход. – М.: ГУ ВШЭ, 2003.

Роббинс Л. Эссе о природе и значении экономической науки, глава 1. [THESIS](#). 1993. Вып. 1. С. 10-23.

Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. – М.: Наука, 1993.

Фридман Т. [Плоский мир 3.0](#). Краткая история XXI века. – М.: АСТ, 2014.

Маршалл А. Принципы экономической науки. В 3 т. – М.: Прогресс, 1993.

Хайек Ф. [Дорога к рабству](#). – М.: АСТ, Астрель, 2010.

Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. – М.: Экономика, 1995.

Кейнс Дж.М. [Общая теория занятости, процента и денег](#). – М.: Гелиос АРВ, 2011.

Коуз Р. [Фирма, рынок и право](#). – М.: Новое издательство, 2007.

Ариели Д. [Поведенческая экономика](#). Почему люди ведут себя иррационально и как заработать на этом. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2012.

Канеман Д. [Думай медленно... решай быстро](#). – М.: АСТ, 2013. – 656 с.

Фридман М., Фридман Р. [Свобода выбирать](#): наша позиция. – М.: Новое издательство, 2007.

Акерлоф Дж., Шиллер Р. Spiritus Animalis, или Как человеческая психология управляет экономикой. – М.: Юнайтед Пресс, 2010.

Медоуз Д., Рандерс Й., Медоуз Д. Пределы роста. – ИКЦ «Академкнига», 2008.

Веблена Т. Теории праздного класса. – М.: Прогресс, 1984.